

Генри Лайон Олди

Витражи патриархов

*Часть сборника
Бездна Голодных глаз (сборник)*

Генри Лайон Олди
Витражи патриархов
Серия «Бездна Голодных глаз», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144883
Бездна Голодных глаз: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52075-6

Аннотация

Девять жизней в запасе у каждого, но всего лишь одна у несчастного уroda, увидевшего свет в последней, нечаянно удачной, попытке состояться. Один за другим уходят боги, вливаясь в душу Сарта-Мифотворца. Только так можно подхватить, удержать, поднять крышу Дома-на-Перекрестке, готовую в любой момент рухнуть на наши головы.

[Видео о цикле «Бездна Голодных глаз»](#)

Содержание

Чужой	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Генри Лайон Олди

Витражи патриархов

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.
И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.*

Н. Гумилев

Чужой

– Ты написал очень грустную сказку, – сказала жена, привычно отбрасывая с лица упавшую прядь волос.

Мастер улыбнулся:

– В следующий раз обязательно напишу веселую. Обязательно. В некотором царстве, в некотором государстве...

А потом ты медленно приходишь в себя, машинально раз-

мазывать по лицу копать и кровь, тупо глядя на изуродованные останки патрульного корвета, понимая, что ты один, один в этой богом забытой дыре, и аккумуляторы пистолета, сунутого в разбитый рот, оказываются разряженными...

А дальше – дальше ты идешь, тащишься через бесконечные маленькие деревушки, где тебя травят ленивыми собаками и почти не дают хлеба, под вялую брань и сочувствие, а выброшенные из окна старые башмаки оказываются безнадежно дырявыми и с оторванной левой подметкой, висящей на гнилых нитках. И ты идешь, тащишься, стараясь не переносить вес на левую ногу, стараясь не задумываться о будущем, пока у старой буковой рощи не встречаешь первых прилично одетых людей. В их мытых руках тонкие прямые клинки, и самый молодой из них все пятится назад, устало отмахиваясь, падая на колено, пытаясь вырвать глубоко вошедшую сталь... Ты проходишь мимо, тебе безразлично происходящее, но убийцам не нужны свидетели, им почему-то никогда не нужны свидетели, и тебе тычут железом в спину, промахиваются и догоняют снова... Ты забираешь оружие, ломая его на колене, не понимая, за что, – и отдаешь богато украшенную рукоять встающему с земли владельцу. А потом недоумению не остается места, они оказываются на редкость неуклюжими и хрупкими, и, перехватывая рассеченную голень грязным рукавом от куртки ближнего из лежащих, ты привыкаешь к мысли о возможности убийства. И ты натягиваешь темно-фиолетовый колет с оранжевыми наплечника-

ми, разбираешь мешанину ремней кожаной перевязи, отвязываешь от чахлого дерева чужую лошадь и впервые в жизни перекидываешь ногу через седло. В мир надо входить в такой, какой он есть на самом деле. Особенно в чужой мир.

– Схватку надо было делать детальнее, – сказала жена, продолжая вязать. – Это сейчас модно.

– Хорошо, дам детальнее, – думая о своем, ответил Мастер.

...Хозяин гостиницы лебезил перед золотым шитьем колета, перед ажурным эфесом меча и даже перед его породистой лошастью. Это сразу выпрямило спину, гордо откинуло голову и превратило скверное произношение в иностранный акцент. А когда хозяин пополз по заплеванному каменному полу за оброненным квадратиком из тусклого металла – он понял стоимость найденного увесистого кошелька и устыдился вспыхнувшего презрения к крохобору-хозяину. Потом стыд исчез, исчез незаметно и больше никогда не появлялся.

Гостиничная прислуга, любопытная и крикливая, сразу прозвала его чужаком – и это тоже прочно приросло, став именем, кличкой, второй кожей, невесомой и незаметной. Он долго был Чужим, очень долго – пока не стал Мастером. Брусчатка мостовой и кирпич стен были нелепы и архаичны. Ты меряешь зигзаги улиц, сидишь в винной духоте ка-

бачков и притонов, расталкиваешь ножами толпу на карнавалах и публичных казнях, прицениваешься на рынке к плащам и девочкам... Город входит в тебя и становится тобой, и лишь полное отсутствие вывесок, листков с указами и пошлых стишков на заборах – полное отсутствие слова, написанного или напечатанного, выцарапанного на грязной стене или камне мостовой, – эта странная пустота еще смущает тебя. Но и она становится обыденной. Позднее ты заметишь, что здесь не поют песен. Даже на карнавалах. Никогда.

Пятискатные черепичные крыши, жутковатые резные флюгера в виде зубастых тварей с печальными глазами, грубо отесанные камни мощных стен – и неожиданно ажурная, витиеватая филигрань особняка, обветренный мрамор колонн, красноватый лак деревянных дверей... Испуганный горожанин шарахается в сторону, не отвечая на вопрос, и тонкая хищная стрела у самых ног, посмевших переступить невидимую черту перед молчащим домом... Ладно, это тоже город. Мглистые, понурые рассветы, темно-серые зубцы крепостных башен, глухое звяканье засовов и перекличка ленивых часовых. Это надолго. Может быть, навсегда. Ты стряхиваешь зябкое сонное оцепенение и осторожно переступаешь порог гостиницы. Будем привыкать.

– Это наивно. – Жена аккуратно намазывала масло на будущий бутерброд. – Это наивно. Уж вывески ты мог бы оставить.

– Не мог, – ответил Мастер.

* * *

В то утро он шел по рынку, удивляясь пустоте каменных рядов. Затем свернул в проходной сквозняк и остановился у оружейной лавки. Разглядывая диковинно изогнутые ножи в окне, он прислушивался к отдаленному низкому реву башенных труб и не обратил внимания на робкий скрип двери.

– Да простит меня господин, – пожилой гигант оружейник согнул спину в низком поклоне, – сегодня пятый день месяца плодов, господин, пятый день, отойдите от моей лавки, умоляю вас... меня убьют из-за вас, господин, пожалейте старого мечника...

Он шагнул в духоту лавки, властно отстранив дрожащего человека. Оружейник торопливо бросился запирать дверные засовы и опускать на окна тяжелые ставни.

– Кому понадобится убивать тебя, Мастер?

– Я не Мастер, господин изволит шутить... Сегодня пятый день, господин приехал издалека, он не знает... В пятый день госпожа Аль-Хиро, дочь правителя, проезжает в Зеленый замок, простите мою дерзость, господин...

– Аль-Хиро, дочь правителя?

– Дерзнувший заметить пыль от копыт коней охраны наследницы, – заученно затарахтел мечник, – да будет оскоплен и войдет в низшую свиту, осмелившийся же увидеть тень

паланкина госпожи будет ослеплен и отправлен в бани для растирания усталых тел, поднявший же глаза на Звезду Аль-Хиро да умрет как собака, ибо только орел не мигая смотрит на солнце... Считающий себя орлом – да придет в восьмой день на площадь Истины, если он не из числа повелевающих словами...

За окном взревели трубы. Он отстранил оружейника, не дослушав его слов, и приник к щели ставен.

Белые мулы рабов гордо встряхивали серебристыми султанами, рослые стражи из дворцовой гвардии сдерживали горячившихся жеребцов, восемь носильщиков несли розовый паланкин, не смея склонить головы под тяжестью. А в паланкине сидела госпожа Аль-Хиро, Звезда и дочь Звезды, наследная принцесса – хрупкая девочка пятнадцати лет с капризными губами.

– Прекрасна ты, возлюбленная моя, как столица, хороша и грозна, как полк знаменный, – шепчешь ты, не отрываясь от щели. – Отведи глаза, что меня победили, волосы твои – как стадо коз, что бегут с гор гилеадских, как разлом граната – щеки твои из-под фаты...

Ударил раскат грома. На безоблачном небе внезапно объявилась лохматая туча, ветвистая молния рассекла потемневший мир.

– Мастера! Мастера пришли!.. – завизжали рабыни. Стража рассыпалась по переулку, выставив зазубренные копья и размахивая широкими крисами с семью ритуальными изги-

бами.

– Ублюдки! – надрывался богато одетый черноусый всадник, охаживая плетью пляшущего коня. – Сволочи! Выйдите на простор! Дайте моему копыю войти в вашу проклятую глотку!..

Висевшее за его спиной длинное копьё изогнулось петлей и прочно охватило горло кричавшего. Он захлебнулся, побагровел и рухнул под копыта, вцепившись в мертвую хватку взбесившегося копыя.

...Ты отшатываешься от ставен, почти бежишь по тесному грязному коридору, у самых дверей черного хода налетая на бьющего земные поклоны оружейника.

– Мастер, пощадите! – Седоглавый великан истерически визжит, не глядя тебе в лицо. – Пощадите, я не знал, кто вы, я никогда не складывал слова в витражи, я не... Не надо говорить надо мной!

Он затихает и валится лицом в пол. Ты переступаешь через большое тело и спешишь по замызганной улочке обратно, в гостиницу. Слова старого мечника преследуют тебя.

– Мастер, пощадите!.. Я никогда не складывал слова в витражи... Не говорите надо мной!

– Девушку надо было описать подробнее. – Цветы никак не хотели располагаться в вазе, и жена в очередной раз переставила весь ворох пионов в колодце хрусталя. – Дочь Звезды, понимаешь... А фигура, глаза, ножки, наконец?

Мастер взял со стола большое мокрое яблоко, надкусил.
– Попробую.

Он знал, что пробовать не станет. Это было бы слишком рискованно, слишком. А лгать он не умеет, учился когда-то, да, видно – не тому...

... Чужое черное небо, чужие черные провалы между редкими незнакомыми созвездиями, ветер путается в невидимых сухих ветвях, палых листьях, грубых складках плаща, привычно откинутого с остывающего эфеса... Спать не хочется. Ты идешь сквозь мерный шелест, чернильную вязкую темноту, сквозь ровное дыхание ночи, пока она не становится твоей, вобрав в себя шаги, плащ, ветер, судороги бунтующего рассудка, – пока... Вот теперь можно возвращаться. Спать. И просыпаться от собственного крика.

Он лежал на провонявшей клопами лежанке, считая трещины в потолке, когда в дверь постучали. Он ничего не ответил. Дверь осторожно заскрипела, и в проеме показался человеческий силуэт. Вошедший был стар, седые редкие волосы лежали на костлявых плечах, обтянутых длинным серым балахоном. Оружия при нем не было.

– Вечного счастья, – сказал старик.

– И вам.

– Мои братья хотят видеть вас. Пойдемте, прошу...

В тихом голосе гостя звучала уверенность в праве приглашать, ничего при этом не объясняя. Ты встал, застегивая

пряжку пояса и привычно набрасывая перевязь с оружием.

– Вам не понадобится меч, – улыбнулся старик. – Говорящим не нужны костыли. Оставьте его здесь.

Ты разозлился. Ты отвык от подобного тона и вызывающе остановился, засунув большие пальцы за пояс. Старик пожевал губами.

– Меч, бесценное железо, слушай Мастера веленье, помни все, что твой хозяин заклиняет тайным словом, – затянул он, постукивая каблуком, – выходи, клинок послушный, волю Мастера исполни, что и в мыслях не держал он, что во сне ему не снилось...

Ты с удивлением глядел в рот сумасшедшему старику, пока не ощутил непривычную легкость перевязи. Меч снова висел на стене. Ты невольно потрогал пряжку крепления, еще раз глянул на висящий клинок – и шагнул за гостем. Странная способность. Странные стихи, ритм тоже странный. «Скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною?» – пробормотал ты, берясь за ручку двери и спотыкаясь о длинные ножны. Предательский меч послушно закачался у бедра. Старик обернулся, посмотрел тебе в глаза и, ничего не сказав, шагнул вперед.

– Мистика какая-то, – сказала жена.

– Мистика, – согласился Мастер.

Под городом оказалась целая сеть древних заброшенных каризов, высохших и потрескавшихся. Вначале он еще пытался запоминать дорогу, но через полчаса убедился в бессмысленности этой затеи. Проклятый старик, казалось, шел с закрытыми глазами, уныло напевая себе под нос. Слов он разобрать не мог и подумал, что это первая песня, услышанная им в городе. Первая песня, и она не понравилась ему – однообразная и бесконечная, как эти коридоры с извилистым незаметным ритмом поворотов.

Пыльный тоннель, в котором проводник резко остановился и прервал свое бормотание, ничем не отличался от всех предыдущих. Старик опустил прямо на глинистый пол, поджав тощие ноги и указав рукой напротив себя. Он остался стоять и вызывающе прищурился на морщинистое лицо.

– Где же твои братья, старик? Или, не дождавшись нас, они одряхлели и скончались? Тогда мир их праху...

Слова прозвучали громко и нелепо. Ты понял это и разозлился еще больше.

– Что ты говорил на улице Оружейников, чужеземец?

– Говорил? Я не говорил, я смотрел... Но если ты собираешься исполнить предписание об оскотлении, то ты переоценил силы свои, старый человек...

– Лишь нам самим ведомы пределы сил наших. Что ты го-

ворил, глядя на шествие, чужеземец? Говори, не бойся, здесь стихии не властны над витражами. Как и витражи над стихиями... Отвечай.

Ты вспомнил удлиненное лицо Аль-Хиро, мокрую спину носильщика, задушенного всадника... Лгать не хотелось.

– Отведи глаза, что меня победили, возлюбленная моя, волосы твои – стадо коз, что сбегает с гор гилеадских, как разлом граната...

Холодный ветер пробежал по коридору, закрутив воронки пыли. Ты остановился, с удивлением глядя на вставшего старика.

– Ты сам нашел смену ритма во второй стихии, чужеземец? Или ты искал в древних витражах?..

– Оружейник, сгибая спину, назвал меня Мастером. Почему бы и тебе не называть меня так, старик?

– Мастера стоят над словами, а ты... Слова стоят над тобой. Нет, ты не Мастер, ты куколка, зародыш, и неизвестно будет родившееся из тебя... Иди по крайнему левому каризу, человек, и ты выйдешь на свет. Я сам найду тебя. Потом. Не ходи на площадь Истины, чужеземец. Не надо... Прощай.

Дороги ты не помнил, но смутная уверенность не покидала тебя весь обратный путь. Выйдя на свет, ты опустился на запыленный камень и стал ковырять сухую землю концом ножен. Из кусков реальности никак не хотела складываться мозаика правды. Мозаика. Витражи. Смена ритма в третьей стихии. Или во второй?

В памяти неожиданно всплыло высокое, почти коническое здание в одном из переулков города, обычно кишашем нищими и юродивыми, но в этот раз непривычно безлюдном. Узкие выщербленные ступени незаметно погружали входящего в светящуюся разноцветную пыль, медленно текущую из оконных витражей, едва различимых в немыслимой глубине купола. Церковь? Или у них нет церквей?.. Наверное, нет – потому что у седого неприветливого старца, изображенного на стене и неуловимо схожего с сегодняшним гостем, не наблюдалось привычного астрального нимба, не было апостольского смирения с примесью непогрешимости. Что ты знал, старик, чего не знаю я, что ты нес людям?.. Что ты не сумел им донести?

– И, как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова, – прошептал ты, вставая с камня и запрокидывая голову к небу.

Пошел дождь.

– Ты ошибся, – сказала жена, беря иголку с ниткой. – На улице Оружейников ты говорил не те слова. То есть те, но более правильно.

– Это не важно, – ответил Мастер. – Смена ритма во второй стихии все равно сохранилась.

В восьмой день он все-таки пришел на площадь Истины. Всю дорогу он уговаривал себя, что делает это вовсе не из-за прекрасных глаз местной звезды, а назло старому лохматому колдуну, назло своей дурацкой судьбе, назло... Назло всему, но чему именно – всему, он так и не выяснил, хотя продолжал яростный внутренний монолог, даже стоя на холодном мраморе площади и слушая Голос. Голос шел ниоткуда и заполнял мягким, бархатистым тембром все пустое пространство. «Это мы уже ели, – раздраженно подумал он. – Трубы, укрытые в стенах, и лысый оратор у мундштука. Очень впечатляюще для чувствующих себя орлами».

Половины сказанного разобрать не удалось, но общий смысл сводился к тому, что серьезно говорить с ним станут лишь по прохождении какого-то Лабиринта Химер. Открывшаяся в стене дверь, видимо, и указывала путь в этот невеселый лабиринт. Он переступил порог. Архитектура здесь не отличалась разнообразием. Лабиринт как лабиринт. Вполне. Первый час он шел держась за эфес и готовясь к любым ловушкам. Потом ему надоело.

...Госпожа моя, триста лет,
Триста лет вас все нет как нет!
На чепце расплелась тесьма,

Почтальон не несет письма,
Триста долгих-предолгих лет
Вы все пишете мне ответ...

Он шел и шел, казалось, этому не будет конца, казалось, здесь сроду не было никаких ловушек, а только вечное кружение по нескончаемым коридорам и вечное напряжение от ожидания неведомо чего. Он ускорил шаг. Потом побежал.

...Простите меня, о моя госпожа,
Простите меня,
Я снова стучусь в ваш семнадцатый век
Из нашего дня,
Простите меня, мой чужой человек,
Простите меня.
Сквозь время, за черный провал рубежа,
Из скуки оков,
Я все-таки вырвусь, моя госпожа,
Вы только дождитесь меня, госпожа,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.